

УДК 81.13

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В РАМКАХ ОДНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ПОСТФАКТУМ. СТАТЬЯ 2

Николай Д. Голев^{1, @, *}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ ngolevd@mail.ru

Поступила в редакцию 04.03.2016.
Принята к печати 14.09.2017.

Ключевые слова: эксперимент, лингвистика, семасиология, лексикография, методология лингвистических исследований, принципы лингвистического эксперимента, Л. В. Щерба.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00311.

Для цитирования: Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 172–179. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-172-179.

Статья 1 [1] обобщает исследования, находящиеся в рамках традиции, начало которой положены в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и других лингвистов, полагающих, что обращение к языковому сознанию (языковому чувству) дает лингвистам достаточно релевантную информацию о самом языке. Так, Л. В. Щерба, говоря о том, что эксперимент в языкознании вытекает из потребности лингвиста проверить на соответствие действительности какую-либо гипотезу о наличии закономерности в языке [2, с. 32], замечает далее: «в сущности то, что я называл раньше «психологическим методом» (или – еще неудачнее – «субъективным»), и было у меня всегда методом эксперимента, только недостаточно осознанного. Впервые я его стал осознавать таковой в эпоху написания моего «Восточнолужицкого наречия» [2, с. 33]. Статья 2 является рефлексией на аксиоматизацию и абсолютизацию данного принципа во многих исследованиях, принадлежащих к современной антропоцентрической лингвистике, которая нередко противопоставляет себя лингвистике системноцентрической. Данное обстоятельство стимулирует постановку вопроса о том, насколько высока, в первых, степень сближенности показаний сознания и языка как такового и, во-вторых, степень противопоставленности антропологической и системно-структурной сторон языка. Автор такой постановкой вопроса менее всего стремится деактуализировать линию сближения, хотя одно из направлений ее развития связывает со взаимодействием с другой линией. Не будучи параллельными, эти две линии (на сближение и некоторое

Аннотация: Содержание статьи 2 настоящего цикла статей составляет методологические размышления по поводу общих принципов экспериментирования в лингвистике вообще и современной российской лингвистике в частности. В статье 1 были рассмотрены исследования, квалифицированные нами как находящиеся в рамках традиции, начало которой положено в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и других лингвистов, полагающих, что обращение к языковому сознанию (языковому чувству) дает лингвистам релевантную информацию о самом языке. Статья 2 имеет иную презумпцию, она является рефлексией на аксиоматизацию и абсолютизацию данного принципа в современной антропоцентрической лингвистике. Названные линии в цикле статей, хотя и составляют разные сюжеты, исходящие из разного материала и разных исследовательских презумпций, ставятся в отношении тесной связи и взаимообусловленности. В заключительной части статьи 2 автор утверждает, что по-настоящему полная и глубокая картина языка не может быть создана без учета исследований обоих направлений, в том числе исследований противоположной презумпции.

дистанцирование показаний языкового сознания и представлений лингвистов об онтологии языка) в предлагаемых статьях связаны отношениями последовательности и дополнительности. Идея, которая может их соединить, следующая. (Прим. автора: в 70-х гг. прошлого века на этапе зарождения и высокой активности антропоцентризма в лингвистике на конференциях можно часто было услышать пафосные утверждения типа «Лингвистики нет, есть только психолингвистика!». Модус таких высказываний понятен, но с их диктумом согласиться трудно).

Гипотеза о том, что ментально-психологическая сторона языка (как компонент речевой деятельности) достаточно гармонично накладывается на собственно языковую сторону языка, не является единственной презумпцией лингвистического экспериментирования и интерпретации его результатов. Создание полной и глубокой картины языка предполагает учет исследований на основе другой, противоположной, презумпции, исходящей из тезиса – системно-структурная сторона и ментально-психологическая стороны языка не накладываются друг на друга «один в один» и не повторяют друг друга. Можно заранее предположить, что модели, созданные на основе названных презумпций, могут взаимодействовать на основе принципа дополнительности, как раз и предполагающего ситуации такого рода (вплоть до ситуаций взаимоисключающих) несовпадений. Пафос статьи 2 заключен в призыве развивать экспериментальные исследования лексики и текста в обоих направлениях. Но если первое направление в настоящее

время может быть ограничено совершенствованием технологии эксперимента, второе на данном этапе нуждается в теоретическом осмыслении, которое должно предшествовать конкретным исследованиям лексики и текста. В статье 2 осуществляется такое первоначальное осмысление, в ней представлено общетеоретическое обоснование гипотезы несовпадения и относительной самостоятельности имманентного и ментального бытия языка, системноцентрической и антропоцентрической лингвистики. В таком осмыслении, на наш взгляд, заключена если не основная, то весьма важная задача современной экспериментальной лингвистики.

Философскую сторону экспериментирования с лексическим и текстовым материалом в рамках представляемых экспериментов можно ограничить следующим тезисом. Эксперимент располагается в сфере антиномий «явление – сущность» и «внешнее – внутреннее». С помощью эксперимента внутренняя сущность изучаемого объекта выводится «на поверхность» в виде наблюдаемых явлений, изучение которых позволяет исследователю заглянуть внутрь объекта, то есть понять принципы (закономерности) его устройства, функционирования, возникновения. Таким образом, методологическую сторону проблемы представляет известная в гносеологии и науковедении метафора «черный ящик». Мы не знаем, что внутри ящика, какова сущность заключенного в нем феномена («механизма», управляющего его действиями), но можем судить об этом, сравнивая его вход и выход – того, что входит в него, и того, что из него выходит. Любой эксперимент имеет дело с моделью черного ящика. Например, мы предлагаем испытуемому заполнить пропуски в предложении «*Да какой это выключатель, если...*». Мы не знаем, реагирует ли языковое сознание на внутреннюю форму слова, но, запуская на входе слова-стимулы *выключатель, рубильник* и, скажем, *оказиональное включатель* и изучая на выходе реакции на эти слова, можем сделать вывод о том, есть ли в языковом сознании механизмы учета внутренней формы.

Здесь важно подчеркнуть следующее – и языковая система, и речемыслительная деятельность являются ненаблюдаемыми феноменами. С точки зрения гносеологии, оба они – «черные ящики»: языковую систему составляют виртуальные и абстрактные сущности, их невозможно наблюдать, их можно только мысленно сконструировать, иными словами – это конструкторы. То же самое относится к механизмам речемыслительной деятельности. Главный для нас вопрос в связи с устройством «черного ящика», уже актуализированный нами в преамбуле статьи: как взаимодействуют данные сущности, насколько они самостоятельны? Устроен ли такой «черный ящик» как языковое сознание, по тому же принципу, что и языковая система (язык как системно-структурное образование [3])?

По Л. В. Щербе [2], по отношению к цельности языка (и каждого языкового явления) языковая система, языковой материал (текст) и речевая деятельность – ее отдельные стороны. Рассмотрение всей цельности с каждой из этих трех сторон, направленное на ее изучения, представляет собой исследовательские аспекты (тройкий аспект рассмотрения). В рамках цельности все стороны неразрывно связаны отношениями взаимообусловленности, а в структурном плане изоморфны. Это

дает возможность изучать одно через другое. Л. В. Щерба продемонстрировал возможности экспериментального познания языковых механизмов через речевое поведение носителей языка и продукты речевой деятельности. Аппелируя к чувству языка, он выявлял алгоритмы речевого поведения, которые увязывались с устройством языковой системы. Таким образом, Л. В. Щерба по сути предвосхитил некоторые актуальные постулаты современной, антропоцентрической, лингвистики. В последнее время в когнитивной лингвистике в качестве главного полигона изучения языка используется такой компонент речевой деятельности, как языковое сознание. Аппелляция к языковому сознанию лежала в основании серии экспериментов, представленных в статье 1, однако в них есть в этом плане существенная специфика.

Языковое сознание (= речевое мышление) предстает в подходе, реализуемом в этих экспериментах, не столько как объект изучения, сколько как средство, способ изучения, исследовательский «полигон». Почему этот общепринятый момент важно подчеркнуть? Можно согласиться, что это всего лишь методологический нюанс, но трудно согласиться с тем, что это мало-существенный спор о словах и терминах. Иллюстрацией «нюансов» могут послужить названия статей. С одной стороны, такие названия, как «Механизмы восприятия грамматических категорий носителями языка» [4], «Экспериментальные исследования вербальных ассоциаций в квантитативной лингвистике» [5], «Роль экспериментальной лингвистики в исследовании содержания и системной организации знания» [6], на наш взгляд, точно расставляют акценты в данном вопросе – объектом экспериментальных исследований в данных статьях названы именно механизмы восприятия, вербальные ассоциации, содержание и системная организация знания (как факт сознания); с другой стороны, название коллективной монографии «Ассоциативное измерение системных отношений в лексике» [7], а также статей [8; 9], в которых системные отношения в языке (языковая синонимия, полисемия, вариантность, деривационные связи) являются объектом интереса лингвистов, а ассоциативный эксперимент – средством его реализации.

Поясним данные тезисы. Как непосредственный объект изучения языковое сознание неотделимо от интенции, которая является движущей силой любого речевого акта и речевой деятельности в целом. Выдвижение на первый план интенции и ее реализации предполагает построение субъектно-деятельностной модели языка. Наши эксперименты предполагают иную динамическую модель языка, в ней допускается некоторое дистанцирование от телеологического, субъектоцентрического понимания речевой деятельности, то есть сдвиг к ее пониманию речевой деятельности как самодетерминирующему процессу (Прим. автора: *Н. Н. Шпильная, член школы «СКФРЯ», разрабатывает такую модель на материале диалогических текстов социальных сетей русского Интернета [10; 11], см также [12]*), наделение самой языковой системы и речевого материала способностью быть движущей силой этого процесса, носителем энергетики речевых процессов и процессов развития языка становятся сами единицы языка и речи. Это не исключает субъектно-

интенциональной природы языка, но интенция предстает при таком подходе как генетический фактор возникновения языковой энергии – она в этом случае есть интенция, пребывающая в некотором образом опредмеченном состоянии. Степень опредмеченности, точнее расстояние опредмеченного состояния интенции от процессуального-речевого, по-видимому, очень различна в разных случаях. Например, категория падежа (система предložно-падежных форм), казалось бы, очень далека от интенций субъекта и подчиняется исключительно внутренним детерминантам. Однако выясняется, что на большом материале можно выявить, что определенные предložно-падежные формы обнаруживают некоторую привязку к субъективным предпочтениям языковой личности и что они по этой причине могут служить материалом для ее идентификации в прикладных целях (см., например, об этом работы [13; 14]). Единицы языка и текста предстают при таком подходе как носители потенциала саморазвития единиц словаря и текста, реализующегося в определенных условиях. Такой потенциал обнаруживает свое присутствие в прогностических возможностях и реализациях, в которых предстоящее разворачивание (или свертывание) как бы изначально заложено в самой разворачиваемой (свертываемой) единице. Первый опыт такой методологической трактовки с лингводетерминистских позиций данных наших экспериментальных исследований был сделан нами в коллективной монографии «Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка» [15; 16]. Из недавних попыток реализации данного подхода в исследовательской практике назовем монографию Н. Н. Шпильной [10].

Реплика в сторону. В настоящее время в исследованиях субъектоцентрической лингвокогнитологической парадигмы экспериментом часто называют практически любое обращение к языковому (в том числе – метаязыковому) сознанию в виде разного рода опросов респондентов, а показания языкового сознания напрямую проецируют на язык как таковой, то есть на его онтологию. Известна разница мнений Л. Витгенштейна и Н. Хомского о молчаливом знании. Первый из них полагал, что такое молчаливое знание не есть сущностная модель языка, которую может извлечь (стремится извлечь) из языка лишь профессиональный лингвист. Н. Хомский, напротив, полагал, что молчаливое умение порождать и понимать тексты – это и есть идеальная модель языка. Спор этот не решен до сих пор. Однако, судя по практике современных исследований в области лингвокогнитивистики, она склоняется к варианту Хомского, принимаемому за аксиому. При этом на место молчаливого знания уверенно ставят знание словесно выраженное. Так, к примеру, сущностные вопросы категории вида считается возможным решать, опираясь на оценки видовых отличий рядовых носителей языка. На наш взгляд, данные, полученные в опросе относительно, скажем, видовых пар, могут говорить о структуре самого сознания (метаязыкового в первую очередь), но не о структуре языковой категории как феномене языковой онтологии. В этом же ряду стоит трактовка поля вербальных ассоциаций вокруг слова, они квалифицируются (прямо или «по умолчанию») концептологами как языковое содержание слова (если не как собственно

значение, то как специфическая его форма – концепт с культурологическим содержанием), на основе данных ассоциативных экспериментов часто решаются вопросы собственно языковой парадигматики и синтагматики. Нет сомнений в том, что в ассоциативных полях отражаются тождество и различие содержания языковых единиц, степень их близости, но насколько уровень отождествления ассоциативного поля вокруг слова и его лексического значения корректен? Вопрос, на наш взгляд, открытый. По аналогии со сказанным рассмотрим такой лингвистический вопрос: словообразовательной системе нередко, на наш взгляд, бездоказательно приписывается категоризирующая функция, то есть утверждается ее прямое участие в организации языковой картины мира, а через ее опосредование – в видении и внеязыкового мира. Под доказательством подразумеваем результаты экспериментальных исследований. Таким же образом отсутствуют экспериментальные доказательства реального участия мотивационных структур и значений в речемыслительной деятельности и в структуре языкового сознания. Наши многочисленные попытки поставить эксперимент для подтверждения гипотезы о таковом их участии оказались безуспешными. К примеру, реакция испытуемых на синонимичные разномотивированные и немотивированные слова-стимулы типа *школьник, ученик, студент* в свободных и направленных экспериментах мало отлична. Ассоциативные словари почти не проявляют тенденции к увеличению частотности выходов реакций в статусе мотивирующих слов в зависимости от степени мотивированности слова-стимула.

Изучение языка и языковых явлений через показание языкового сознания правомерно и эффективно. Однако, продолжая линию, начатую в преамбуле цикла статей, еще раз отметим, что прямая интерпретация таких показаний как закономерностей языка во всех его планах, особенно системном, не представляется нам на данном этапе их осмысления и обобщения аксиоматической, абсолютизация данного принципа, по-видимому, в перспективе исследования языка сужает представление о языке как целостном феномене. В частности, уходит в тень момент относительной самостоятельности языка как системного-структурного образования по отношению к внешним для него планам.

В связи с этим вернемся к проблеме правомерности выведения из опросов представления об устройстве языка и механизмов речевой деятельности. Такой высокий уровень сближения языковой системы и языкового сознания кажется чрезмерным и вызывает определенные сомнения и вопросы, в том числе самого общего свойства – таких, например, как вопрос об объекте языкознания и способах его познания, уже поднимаемый нами выше. Продолжая его обсуждение, остановлюсь на названии статьи В. М. Алпатовой в одном из недавних номеров журнала «Вопросы языкознания» (2015, № 3) – «Что и как изучает языкознание?» [17]. Как видим, ученый считает вопрос открытым, а ответ на него не самоочевидным. Сделаем попытку присоединиться к его обсуждению в рамках предмета настоящей статьи. Для этого переформулирую вопрос: показания сознания – это показания о языке или о сознании, пусть о сознании *языковом*. (Прим. автора: что представля-

ет собой языковое сознание, по каким признакам выделяется из сознания вообще – отдельный вопрос, стоящий в одном ряду с другими, весьма актуальными для современной лингвистики вопросами: о выделенности языковой картины мира из картины мира вообще, об отличии языковой личности – от, скажем, психологической личности и т. п.). Выскажем свое мнение, сформировавшееся постфактум – в процессе осмысления проведенных экспериментов. Как нам сейчас представляется, прямой перенос показаний метаязыкового сознания носителей языка в область собственно языкового сознания и тем более языковой системы обостряет этот вопрос, выявляет в нем внутреннюю противоречивость. Полагаю, что при таком подходе происходит отождествление языка и среды его существования. Человек в его разных статусах (человеческое общество, психология, ментальная сфера и т. д.) – это основная среда бытия языка. А что же такое сам язык, язык как таковой? Предлагаем исходить из простого ответа: «Язык – система знаков, система, стихийно возникающая, стихийно функционирующая и стихийно развивающаяся». А. Ф. Лосев квалифицировал данные тезисы как аксиоматику стихийного функционирования языка. Основная функция этой системы – коммуникативная, определяющая все остальные, в том числе – *через цикл опосредований* – когнитивную функцию, то есть функцию обеспечения мышления и, возможно, структурирования сознания. Одним из звеньев такого цикла является коммуникативная интенция. Эти, казалось бы, аксиоматические постулаты в связи с бурным развитием антропологической лингвистики сильно деактуализировались в российской науке о языке. Более половины диссертаций последнего времени посвящены не языку как системе знаков, а каким-то смежным с ним явлениям или его внешним проявлениям.

Беспорна крепчайшая связь языка и сознания, речи и мышления и т. п. – крепчайшая, но не неразрывная. Позволю себе простую аналогию. Вода – основная среда обитания рыбы, но тем не менее это среда. Рыба вне воды (известны рыбы сухопутные, есть рыбы летающие) остается рыбой, а кит, живущий исключительно в воде и погибающий вне ее, является животным. Значит, сущность рыбы все-таки не в воде, а рыба как таковая определяется набором признаков, среди которых обитание в воде является важным, но не главным. Гносеологическое следствие сказанного – ихтиолог все-таки изучает рыб, но не воду. Если объект исследования трактуется расширенно, например, им становится такой сложный объект, как некий комплекс воды и рыбы, то этот комплекс уже объект другой науки – по-видимому, экологии, которая, согласно справочникам, «изучает отношения организмов со средой их обитания. Организмы же благодаря этим связям существуют в природе не как хаотичные скопления, а образуют определенные сообщества – надорганизменные системы». На фоне тезиса о расширенном представлении объекта актуализируется вопрос об объекте симбиотических (антропологических) дисциплин: психолингвистики, нейролингвистики, социолингвистики, концептологии, лингвоперсонологии и мн. др.

Из того факта, что лингвистика изучает язык, а не сознание, совсем не вытекает, что в поисках закономерностей устройства языка лингвист не обращается к фак-

тору влияния среды, вопрос лишь в оценке его роли и формы, скорости и степени оязыковления. Для обсуждения поставленной проблемы считаю значимой такую ее постановку. В философии противопоставляют системы и системоподобные комплексы типа «человек / машина», «человек / природа». Системы – это органические единства, обладающие потенциалом саморазвития, комплексы – это функциональные единства. Язык и сознание – функциональное единство двух относительно самостоятельных систем. Одна из них сформирована коммуникативной функцией языка, вторая – мыслительной функцией мозга. А. Б. Серебrenников, в свое время исследующий комплекс «язык / общество», написал книгу «Об относительной самостоятельности развития системы языка» [18], в ней он утверждал, что общество дает импульсы развитию языковой системы, но это импульсы извне. Также можно сказать и о взаимоотношениях сознания / мышления и языковой системы, тут словом «импульсы» не обойтись – тут надо говорить о непрерывном потоке импульсов со стороны сознания, но тем не менее это поток извне. Его влияние несомненно, вопрос лишь в его силе, точнее – непосредственности-опосредованности на детерминационной оси и скорости – на диахронической. Мы полагаем, что оязыковление внеязыкового содержания – процесс длительный и многозвеньевой.

К примеру, один из наиболее популярных объектов сегодняшней антропоцентрической лингвистики – концепт – является неязыковой величиной, спрятанной в сознании и извлекаемой «на поверхность» с помощью языковых средств. Чаще всего это интерпретируется как репрезентация концепта. Ср.: «Все языковые величины, которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции "языковым материалом"» [2, с. 26].

В современной концептологии концепт трактуется как фрагмент концептосферы, элемент лингвокультуры. Он лишь репрезентируется («выходит на поверхность») в языке. Однако все чаще можно наблюдать, как в концептологических исследованиях содержание концепта напрямую приписывается самому языку, его семантическому плану, ассоциативное поле вокруг слова трактуется как его (слова) языковое значение. Эту логическую процедуру нередко обслуживает термин «имя концепта», что позволяет ассоциативное содержание осознанно или неосознанно квалифицировать как собственно значение слова-имени или как его часть, то есть как элемент самого языка. Что само по себе не вызывает сомнения, так как содержание слова многослойно. (Прим. автора: на наш взгляд, было бы естественным обсуждать вопрос о признаках «Некрасов» и «Крылов» в составе семантики слов *коробейник* и *моська*, в статусе особых культурных сем говорить о концептуализации значений и ставить эксперимент, призванный доказать их реальное участие в речемыслительной деятельности). Однако содержание слова, сконструированное исследователем, скажем, из паремий, индивидуальных поэтических метафор, рекламных слоганов и ассоциативных полей (а такие конструкты сейчас ис-

следователями концептов создаются регулярно) вряд ли столь однозначно принадлежит языку, языковой системе. Может быть, в будущем они интериоризируются языком, но на момент конструирования объявлять их статус языковым кажется нам преждевременной квалификацией. Эксперимент, который доказывал бы такую языковую реальность, трудно представить. С иных позиций критическое отношение к концептам такого рода и принципу репрезентации высказывает в ряде своих последних работ А. В. Кравченко (см., например [19–21]).

Вопрос об объекте лингвистики очень важен и при переходе к обсуждению темы «Эксперимент в лингвистике», особенно в плоскость взаимоотношений эксперимента с гипотезами и теориями. Для простоты обсуждения дадим упрощенную формулу таких взаимоотношений. Эксперимент неотделим от гипотезы, она – главный фактор обращения к нему, способ его организации. Гипотеза же неотделима от теории, вытекает из нее. Поэтому не только корректен, но необходим вопрос к тому, кто заявил о предлагаемом эксперименте: какую гипотезу обслуживает ваш эксперимент? Более того, тот, кто ставит эксперимент, должен априори представлять, при каком результате гипотеза получит подтверждение, а при каком – не подтвердится или даже будет опровергнута, последнее – не менее важно, по К. Попперу, отсутствие возможности у теории и тем более у гипотезы возможности быть опровергнутой (фальсифицированной) ослабляет их [22; 23]. О том, что гипотеза не может возникнуть «из ничего», мы уже говорили выше. Теперь вернемся к другому вопросу, поставленному ранее. Является ли опрос информантов – экспериментов? На данном этапе осмысления наших экспериментов у автора возникли сомнения в методологической корректности такой номинации, хотя ранее он прибегал к ней, следуя традиции, регулярно. Нет оснований сомневаться в значимости опроса и в наличии у него эвристического потенциала. Никто же не сомневается в необходимости для диагностики болезни опроса пациентов об их собственном самочувствии врачами, но назвать такой опрос экспериментом нет оснований. А вот если врач просит пациента сделать то или иное телодвижение, то эта процедура имеет начальные признаки эксперимента, так как тем самым осуществляется лабораторное моделирование предполагаемой болезни. Пациент играет роль модели.

Языковой эксперимент неотделим от моделирования языка, в идеале он должен лабораторно воспроизводить какие-то реальные речевые действия. Они существуют сначала в сознании исследователя в виде гипотезы об определенных закономерностях, возникновении устройства, функционировании или развитии изучаемого объекта. В гипотезе объект мысленно моделируется как «носитель» предполагаемых закономерностей. Гипотеза далее опредмечивается сначала в искусственно полученном речевом материале, интерпретируемом как следствие закономерностей или их отсутствия. Из своей интерпретации исследователь создает «конструкт». Опрос сам по себе ничего не моделирует, лишь дает материал для моделирования. Например, если утверждается, что словообразование связано с категоризирующей функцией языка, то нужно сначала найти те реальные коммуникативные ситуации в обыч-

ной речевой практике носителей языка, в которых эта функция может себя проявить, в частности, обнаруживает специфическую (словообразовательную) интенцию [24], и затем моделировать эти ситуации в лаборатории. Автор статьи, занимающийся словообразованием 40 лет, не может себе представить такой ситуации и такого эксперимента. Иными словами, он полагает, что гипотеза о когнитивной функции словообразования довольно слабая – она не может быть ни доказана, ни опровергнута. На наш взгляд, даже мысленный эксперимент был бы большим вкладом в теорию так называемого когнитивного словообразования, которое в настоящее время активно позиционирует свою принадлежность к антропоцентрической лингвистике. Но стоят ли за тезисом о категоризирующей функции системы производных слов речемыслительные факты? Есть ли речевые факты, доказывающие наличие словообразовательной интенции? Если нет, то реальность словообразовательной интенции и ее реализацию как особый тип речемыслительной деятельности можно поставить под сомнение.

Для Л. В. Щербы эксперимент как форма обращения к языковому сознанию является средством изучения языка как в широком, так и в узком смысле этого термина. Представление о языке как объекте изучения для ученого первично, гипотеза о наличии в языке какой-либо закономерности (правиле) далее экспериментально проверяется. «Сделав какое-нибудь предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило» [2, с. 32].

Антропоцентрическая лингвистика иначе расставляет акценты, языковое сознание само становится объектом изучения, а языковой материал – средством. Можно сказать, что презумпция такого подхода такова. Внутренняя сущность феномена «язык» априори видится в сознании, она проявляется во «внешнем» языковом материале, эксперимент – способ его удобного получения и рассмотрения. В заключение всего цикла статей отметим следующее. В любом исследовании помимо информации об объекте изучения – закономерностях его устройства, функционирования, развития и т. п. – содержится информация о способах ее получения, которая нередко не менее важна, чем первая. Выявить ее, актуализировать, систематизировать, включить в соответствующие парадигмы знания часто непросто. Мы далеки от мысли, что в наших статьях нам удалось существенно близко подойти к решению заявленной задачи – получению цельной (системной) картины тех методов, которые применялись в отдельных, во многом изолированных, исследованиях. В лучшем случае в представленном очерке экспериментов в статье 1 сохранился абрис такой картины, написанный пунктиром и штрихами. Пунктирные линии означают направления, а штрихи – тропинки, ведущие к цели – построению системной методологии, базирующейся на определенных принципах. Автор полагает, что ему удалось обозначить последние более отчетливо, чем пути, ведущие к ним. В статье 2 в лучшем случае он смог обозначить лишь общее направление, вытекающее из необходимости сначала общетеоретического рассмотрения места экспе-

римента в познании сложного функционального единства языка и сознания, и только затем – конкретно-исследовательского, предполагающего модернизацию в постановке экспериментов.

Чтобы выйти из модуса абстрактных «благопожеланий» во втором направлении, позволим себе высказать мнение о том, что одним из конкретно-исследовательских путей перехода от гипотезы, допускающей высокую степень «наложимости» показаний языкового сознания на картину устройства и функционирования языкового объекта, к гипотезе, предполагающей более низкую возможность их полной «наложимости», могут стать эксперименты (и опросы), в системе заданий которых заложена оппозиция «наложимости» и «неналожимости». Прообразом такого совмещения могут стать задания при сборе материала для охарактеризованных в статье 1 словарях: «Словаре обыденных толкований русских слов» и «Словаре обыденных толкований политических терминов». В последнем из них, например, разведены задания «*Дайте определение термина...*» и «*Какие ассоциации прихо-*

дят Вам на ум, когда Вы слышите данное слово...?». В оппозиции заложена идея проверки влияния разных когнитивных установок на характер содержания, ассоциированного со словом – установки на логическую сторону сознания и установки на образную сторону (возможно, их можно квалифицировать как левополушарные и правополушарные стороны). Разумеется, уже первый срез из сравнения результатов определенным образом говорит об устройстве механизмов речемыслительной деятельности (об опоре в ней при восприятии слов на понятие или представление). Если словестимулы входят в литературный язык, то выявленное содержание может быть сопоставлено с двумя планами «собственно языка» – нормативным и системным. Первый олицетворяют толковые словари, второй – словари типа «Русского семантического словаря» под ред. Ю. Д. Апресяна. Ответ на вопрос, в какой степени близки или различны типы содержания, эксплицированные в экспериментах и словарях, даст основания для конкретизации и корректировки дальнейших экспериментальных исследований в данном направлении.

Литература

1. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 70–78. DOI: [10.21603/2078-8975-2016-3-70-78](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-70-78).
2. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–39.
3. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
4. Горбачкая О. Ю. Механизмы восприятия грамматических категорий носителями языка // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. 2015. № 1. С. 37–43.
5. Долинский В. А. Экспериментальные исследования вербальных ассоциаций в квантитативной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 620. С. 26–36.
6. Шабес В. Я. Роль экспериментальной лингвистики в исследовании содержания и системной организации знания // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 134–137.
7. Голев Н. Д., Дударева Я. А., Пивоварова С. В., Жукова Т. В., Болдина О. П., Цепелева Н. В. Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: монография / отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. Бийск: АГАО, 2012. 351 с.
8. Голев Н. Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке: тезисы докладов конференции / отв. ред. Л. А. Араева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 82–84.
9. Шкуропацкая М. Г. Синонимические отношения слов в русском языке в зеркале их ассоциативных полей // Филология и человек. 2011. № 4. С. 91–101.
10. Шпильная Н. Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул: АГПУ, 2015. 219 с.
11. Шпильная Н. Н. Принципы постгенеративного моделирования генезиса русского диалогического текста // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 20–25. DOI: [10.17223/15617793/400/3](https://doi.org/10.17223/15617793/400/3).
12. Беляева М. Ю. Текст и процесс его саморазвития: полипарадигмальность трактовок // Ономастикон с позиций саморегуляции текста / отв. ред. М. Ю. Беляева, Л. М. Цонева. Славянск-на-Кубани: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 4–10.
13. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева А. Ю., Тамбовцева Л. А. Типология распределения некоторых лингвистических единиц в тексте как показатель авторства текста // Вестник Омского университета. 2008. № 2. С. 88–96.
14. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева Л. А., Тамбовцева А. Ю. Тексты Бахтина, Волошина и Медведева: авторство или плагиат? // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, 8 апреля 2011 г. / отв. ред. А. В. Колмогорова. Новокузнецк: OBERON, 2011. С. 402–421.
15. Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 65–84.
16. Голев Н. Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 3–12.
17. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание? // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.
18. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. 128 с.
19. Кравченко А. В. Зачем и почему нужно трансформировать науку о языке // НОМО COMMUNICANS II: Человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин: GRAFFORM, 2012. С. 128–133.

20. Кравченко А. В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему // Записки з романо-германської філології. 2013. Вип. 1(30). С. 115–124.
21. Кравченко А. В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155–172.
22. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 604 с.
23. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 638 с.
24. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 205–264.

EXPERIMENTAL RESEARCH ON THE RUSSIAN VOCABULARY AND TEXTS WITHIN ONE LINGUISTIC SCHOOL: EXPERIENCE OF SUMMARY AND METHODOLOGICAL REFLECTION IN HINDSIGHT. PAPER 2

Nikolay D. Golev¹, @, *

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
@ ngolevd@mail.ru

Received 04.03.2016.

Accepted 14.09.2017.

Keywords: experiment, linguistics, semasiology, lexicography, linguistic research methodology, the principles of linguistic experimentation, L. V. Sherba.

* *The study was carried out with the financial support of the Russian Research Foundation, project No. 15-04-00311.*

Abstract: The content of the article up consists in methodological reflections about general principles of experimenting in linguistics on the whole and in Russian linguistics in particular. In this regard the article deals with the studies which are within the tradition starting in the works of I. A. Baudeau de Courtenay, L. V. Sherba and other linguists who thought the address to the language consciousness (language feeling) to give the relevant information about the language itself. The other line is the reflection over axiomatization and absolutization of this principle in modern anthropocentric linguistics. Though these two lines present different subjects coming from different sources and different research presumptions, they are put in close connection and interrelation. In conclusion, the author states that a full and deep view of language cannot be created without studies based on the other contrary presumption.

For citation: Golev N. D. Eksperimental'nye issledovaniia russkoi leksiki v ramkakh odnogo lingvisticheskogo napravleniia: opyt obobshcheniia i metodologicheskoi refleksii postfaktum. Stat'ia 2 [Experimental Research on the Russian Vocabulary and Texts within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 2]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 172–179. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-172-179.

References

1. Golev N. D. Eksperimental'nye issledovaniia russkoi leksiki v ramkakh odnogo lingvisticheskogo napravleniia: opyt obobshcheniia i metodologicheskoi refleksii postfaktum. Stat'ia 1 [Experimental Research of the Russian Vocabulary and Texts within One Linguistic School: Experience of Summary and Methodological Reflection in Hindsight. Paper 1]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 70–78. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-70-78.
2. Shcherba L. V. O troiakovom aspekte iazykovykh iavlenii i ob eksperimente v iazykoznanii [About triple aspect of the language phenomena and about an experiment in linguistics]. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Nauka, 1974, 24–39.
3. Solntsev V. M. *Iazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language system and structural education]. Moscow: Nauka, 1971, 294.
4. Gorbatskaia O. Iu. Mekhanizmy vospriiatiia grammaticheskikh kategorii nositeliami iazyka [Mechanisms of perception of grammatical categories by native speakers]. *Filologicheskaiia nauka v usloviiah diversifikatsii obrazovaniia = Philological science in the conditions of education diversification*, no. 1 (2015): 37–43.
5. Dolinsky V. A. Eksperimental'nye issledovaniia verbal'nykh assotsiatsii v kvantitativnoi lingvistike [Pilot studies of verbal associations in quantitative linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Moscow state linguistic university. Series: The humanities*, no. 620 (2011): 26–36.
6. Shabes V. Ia. Rol' eksperimental'noi lingvistiki v issledovanii sodержaniia i sistemnoi organizatsii znaniia [Role of experimental linguistics in a research of contents and the system organization of knowledge]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka = Cognitive researches of language*, no. 14 (2013): 134–137.
7. Golev N. D., Dudareva Ia. A., Pivovarova S. V., Zhukova T. V., Boldina O. P., Tsepeleva N. V. *Assotsiativnoe izmerenie sistemnykh otnoshenii v leksike* [Associative measurement of the system relations in lexicon]. Ed. Shkuropastkaia M. G. Biisk: AGAO, 2012, 351.

8. Golev N. D. Var'irovanie derivativnykh kontekstov kak sposob vyivleniia i izucheniia potentsiala derivatsionnogo funktsionirovaniia slova [Variation of derivative contexts as way of identification and studying of potential of derivational functioning of a word]. *Iavlenie variativnosti v iazyke* [The variability phenomenon in language]. Ed. Araeva L. A. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat 1994, 82–84.
9. Shkuropatskaia M. G. Sinonimicheskie otnosheniia slov v russkom iazyke v zerkale ikh assotsiativnykh polei [The synonymic relations of words in Russian in a mirror of their associative fields]. *Filologïia i chelovek = Philology and person*, no. 4 (2011): 91–101.
10. Shpilnaya N. N. *Derivatsionnye osnovaniia russkogo dialogicheskogo teksta* [Derivational bases of the Russian dialogical text]. Barnaul: AGPU, 2015, 219.
11. Shpilnaya N. N. Printsipy postgenerativnogo modelirovaniia genezisa russkogo dialogicheskogo teksta [Principles of post-generative modeling of genesis of the Russian dialogical text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk state university*, no. 400 (2015): 20–25. DOI: 10.17223/15617793/400/3.
12. Beliaeva M. Iu. Tekst i protsess ego samorazvitiia: poliparadigmal'nost' traktovok [Text and process of his self-development: poliparadigmality of treatments]. *Onomastikon s pozitsii samoregulatsii teksta* [Onomastikon from positions of self-control of the text]. Ed. Beliaeva M. Iu., Tsoneva L. M. Slaviansk-na-Kubani: Kubanskii gos. un-t, 2013, 4–10.
13. Tambovtsev Iu. A., Tambovtseva A. Iu., Tambovtseva L. A. Tipologiia raspredeleniia nekotorykh lingvisticheskikh edinit v tekste kak pokazatel' avtorstva teksta [Typology of distribution of some linguistic units in the text as an indicator of authorship of the text]. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk university*, no. 2 (2008): 88–96.
14. Tambovtsev Iu. A., Tambovtseva L. A., Tambovtseva A. Iu. Teksty Bakhtina, Voloshina i Medvedeva: avtorstvo ili plagiat? [Bakhtin, Voloshin and Medvedev's texts: authorship or plagiarism?]. *Problemy i perspektivy iazykovogo obrazovaniia v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 8 apreliia 2011 g.* [Problems and the prospects of language education in the 21st century: Proc Intern. Sc.-Prac. Conf., April 8, 2011]. Ed. Kolmogorova A. V. Novokuznetsk: OBERON, 2011, 402–421.
15. Golev N. D. Derivatsiia i motivatsiia kak formy oiazykovlenoi determinatsii [Derivation and motivation as forms of oyazykovleny determination]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Sketches on a linguistic determinology and a derivatology of Russian]. Ed. Golev N. D. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 65–84.
16. Golev N. D. Ot redaktora [From the editor]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Sketches on a linguistic determinology and a derivatology of Russian]. Ed. Golev N. D. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 3–12.
17. Alpatov V. M. Chto i kak izuchaet iazykoznanie [Linguistics: what and how?]. *Voprosy iazykoznaniiia = Linguistics questions*, no. 3 (2015). 7–21.
18. Serebrennikov B. A. *Ob otноситel'noi samostoitel'nosti razvitiia sistemy iazyka* [About relative independence of development of system of language]. Moscow: Nauka, 1968, 128.
19. Kravchenko A. V. Zachem i pochemu nuzhno transformirovat' nauku o iazyke [Why and why it is necessary to transform science about language]. *HOMO COMMUNICANS II: Chelovek v prostranstve mezhkul'turnykh kommunikatsii* [HOMO COMMUNICANS II: The person in space of cross-cultural communications]. Szczecin: GRAFFORM, 2012, 128–133.
20. Kravchenko A. V. Kontsept, kontsept, kontseptu: modnyi diskurs na nezadannuiu temu [Concept, concept, to a concept: a fashionable discourse on not set subject]. *Zapiski z romano-germans'koi filologii = Notes from Romano-Germanic Philology*, no. 1(30) (2013): 115–124.
21. Kravchenko A. V. O predmetnoi oblasti iazykoznaniiia [About subject domain of linguistics]. *Iazyk i mysl': sovremennaia kognitivnaia lingvistika* [Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015, 155–172.
22. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniia* [Logic and growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress, 1983, 604.
23. Popper K. R. *Predpolozheniia i oproverzheniia: Rost nauchnogo znaniia* [Assumptions and denials: Growth of scientific knowledge]. Moscow: AST: Ermak, 2004, 638.
24. Golev N. D. Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov: kontseptsii, proekt, opyty realizatsii [Dictionary of ordinary interpretation of the Russian words: concept, project, experiences of realization]. *Obydennoe metaiazikovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontologic and gnoseological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, part 3 (2010): 205–264.